

По гаревой дорожке стадиона «Динамо» вьются рукоплещущих трибун медленно бегут три спортсмена с букетами в руках. Овации, цветы, «круг почета», который они сейчас совершают, — все это награда за мировой рекорд, установленный ими несколько минут назад.

Первым признаком нового рекорда было, как всегда, волнение в рядах фоторепортеров, собравшихся у финиша. Главной судья махнул рукой, и они тотчас же гурьбой пересекли дорожку, чтобы записать счастливые лица победителей.

Вот имена рекордсменов: Нина Откаленко — студентка Московского областного педагогического института, Анна Лапина — колпоровальщица одного из столичных заводов, Людмила Лысенко — учащаяся физкультурного техникума из Днепрпетровска. Остафета — 3×800 метров проведена ими за 6 минут 32,6 секунды — никто в мире еще не показывал такого времени. Има Откаленко известно на стадионах многих стран, Лапина — мастер спорта, Лысенко — совсем молод, она пока еще первокурсница.

У одного из секторов эти три девушки отдают преподнесенные им цветы гостям Москвы — спортсменам Китая, Вьетнама, Германской Демократической Республики, Монголии, Румынии. На этот раз была приятно нарушена традиция. Дня физкультурника — не все зрители: китайские легкоатлеты приняли участие в соревнованиях по бегу, затем в товарищеских играх по баскетболу встретились мужские и женские молодежные сборные Китая и Советского Союза. Оба матча были интересными, упорными, острыми, в обоих победили советские спортсмены, но всех порадовала отличная техника наших друзей, их многообещающее возмужшее тактическое мастерство.

Праздник открылся, как обычно, массовыми гимнастическими упражнениями тех, кому предстоит еще штурмовать вершины спорта. Семьсот девочек и девочек добились обществ «Иррасное зямля» и «Трудовые резервы» дигнались в едином ритме, подчиненные несложному, но строгому гимнастическому рисунку. Взмах рук, поворот — и каждый раз на зеленом ковре возникает новый симметричный узор. А потом, став артефактом, они вместе со всеми восхитились безукоризненной четкостью трудных фигур, которые выполняла группа сильнейших гимнасток и гимнастов СССР, выступавших недавно в Чехославии.

Несколько раз на стадион грозно надвигались тяжелые тучи. Напрасно, однако, пытались они напугать испытанных москвичей зрители: когда небо, наконец, раздвинулось, свои угрозы трибуны не дрогнули и были вскоре же вознаграждены прекрасным зрелищем радуги. Ее дуга, прореченная сквозью тучи, казалась, продолжала игру красок на земле: цветные сотен маек — синих, желтых, красных, белых; зелень футбольного поля; трепет ярких знамен на башнях; нарядную пестроту амфитеатра...

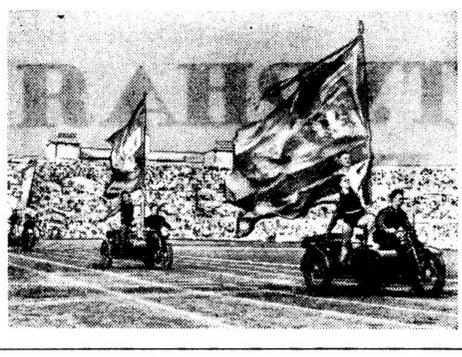
Одним из интересных моментов праздника был «круг почета», совершенный шестью велогонщиками. Их путь на стадион лежал через пятнадцать этапов многодневной гонки Москва — Минск — Киев — Харьков — Москва, общей протяженностью 2 650 километров. Один из шести спелеменов — Павел Востряков стал в этот день чемпионом Советского Союза. Взяв 30 июня старт на массовом поле Центрального парка культуры и отдыха, гонщики мчались по огромному колесу со средней скоростью 36,29 километра в час!

Праздник закончился с приближением темноты. Нужно горячо поблагодарить всех его участников — они были достойными представителями большой армии советских физкультурников. Нужно поблагодарить за участие в нем наших китайских друзей, и, к сожалению, упрекнуть организаторов праздника. Он мог быть более динамичным, слышному часто возникали паузы. И еще одно: вряд ли можно обойтись в такой день без футбольного матча. Футбол — игра милых, самый любимый в стране вид спорта, и матч, который состоялся накануне, вполне мог быть перенесен на день.

Бессознательный День физкультурника был отмечен 17 июля многочисленными соревнованиями в Ленинграде, Киеве, Минске, Баку и других городах нашей страны.

А. Г.
На снимке: выступление гимнастов на мотоциклах.

Фото С. Преображенского и Л. Доренского

В МИНИСТЕРСТВЕ НЕ ТОРОПЯТСЯ...

Читатель продолжает разговор

Два письма из редакционной почты. Первое — из Запорожья:

«На страницах вашей газеты неоднократно поднимался вопрос о мотоциклах для инвалидов. Однако у меня есть к вам просьба: еще раз вернуться к нему, чтобы ликвидировать существующий бюрократизм и волокиту в деле приобретения мотоцикла для нужд инвалидов. Инженер-экономист А. Березняцкий».

Второе письмо — из города Сысерть Свердловской области:

«Уважаемая редакция! Прошлым летом была помещена заметка, из которой я понял, что мотоцикл «С-1-Л» не оправдывает себя в эксплуатации и что Горьковский завод по поручению разработать новый проект маленького автомобиля, причем сделать это до конца 1954 года. Как движется дело? Выпускаются ли сейчас в Серпухово усовершенствованные мотоциклы? А главное — готов ли маленький автомобиль для нас, и если готов, то каким образом можно его приобрести?»

Инвалид Отечественной войны П. Лобачевский».

Такие письма часто приходят в редакцию газет, в органы социального обеспечения, на заводы в Горький и Серпухов.

Корреспондент «Литературной газеты» бывал на Горьковском заводе. В огромном экспериментальном цехе среди первых образцов новых легковых и грузовых машин он нашел то, что так интересует наших читателей-инвалидов.

«Это уже не мотоцикл», — поясняет ведущий конструктор Николай Александрович Юшманов. В министерстве долго и упорно придерживались того ошибочного мнения, что «механические ноги» для инвалидов должны иметь в своей основе мотоцикл с коляской, и никак не более того. На «благонравие» помещается мотор — это мотоцикл в позе лежа, серпуховская «С-1-Л». Опыт показал, что нельзя обойти серьезные конструктивные недостатки как той, так и другой мотоцикла, не отказавшись от трехколесной, мотоциклетной основы. Читатели «Литературной газеты», вопреки доводам министерства, требовали создать автомобиль, однако пригодный инвалиду, старую-пенсией и небольшой семье для поездки за город.

«ГАЗ-18» (так условно именуется в чертежах модель Горьковского автомобиля) — это двухместный четырехколесный автомобиль с упрощенным ручным управлением. Его внешне вид можно судить пока только по так называемому «посадочному макету», то есть лерейной копии автомобиля в натуральную величину. Спереди, на месте мотора, расположен батинчик, а в «благонравии» помещается мотор — это мотоцикл в случае надобности ремонтировать двигатель, не вылезая из машины. Мощность двигателя — 12 лошадиных сил, охлаждение жидкостное. В конструкции предусмотрены электрооборудование, внутренний отопитель, специальный регулятор, позволяющий менять угол посадки за рулем для водителя с большим позвоночником. Предусмотрены и несколько видоизмененная схема управления для инвалидов с одной рукой. Учтены многие другие недостатки прошлых конструкций.

Конструкторы добились в новой модели облегченности, простоты управления маши-

САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ПУТЕМ

Можно со многими спорить в спектаклях Владивостокского драматического театра, многое отвергать, но всегда, вернее, почти всегда, понимаешь, ради чего театр ставит именно эту пьесу, что ему в ней дорого, что он отстаивает, за что борется. А репертуар театра самостоятельный и интересный. Три современные пьесы о жизни людей своего края, подлиннее здесь первые сценическую жизнь, произведения классической драматургии, которые принято считать в разряд забытых или несправедливо обойденных, — это не мало.

Быть может, наиболее удачный спектакль театра — «Хрустальный ключ». Е. Бондаревой, рассказывающей о жизни пограничников. Это пьеса не очень глубоко захвата жизни, наивно театральных ситуаций, но с острой интригой, верно намеченными характерами. В театре (режиссер Е. Бондарев) она получила неожиданно яркое звучание.

В постановке ясно ощущается стилистика, которую утверждает театр своим творчеством: человек чистой души, лирикого сердца, гуманных побуждений. Театр последовательно открывает в своих героях это настоящее, чистое, человеческое. Он показывает его в безыскусной горячей любви к песне облетевшего слухом повара Яши (А. Присяжнюк), такой любви, что он точно захватывается от мучительного блаженства, когда услышит хорошую мелодию; и в отцовском требовательном чувстве капитана Быстрова (П. Попов) к своим солдатам; и в той почти детской застенчивости, с которой объясняется в любви ба- жу, озорник, «душа заставы» Захаров (Г. Аптин). И здесь же проходит другая тема — ступень воинской закалки, возмужания этих простых, чистых ребят.

Мотив столкновения человеческой чистоты, благородного порыва с козостью, грязью, стяжательством заинтересовал, очевидно, театр в «Расточителе» Н. Лескова. Зритель увидел резкие, исполненные гнева и извлекки картины бесправия и произвола в пореформенной России. Но вместе с тем в этом спектакле — одной из последних работ коллектива — очень обнаженно проявились две противоположные тенденции в стиле театра.

Доведенная до отчаяния пристрастиями купца Кылева, узнает, что ее возлюбленный сошел с ума. В Долматова не срысается на крик, не впадает в истерику. Суеие от гора глаза, неподвижное лицо. Все забывшаяся, притихшая, медленно и очень просто произносит она страшные слова: «... мне его... совсем не жалко... Ты не слышал, как женщины, которые от родов умирают, детей своих видеть не хотят... так и он мне... Я им замучалась...». А рядом, в этом же спектакле, В. Козела — Молчанов, несомненно, живой темперамент, очевидно, искренняя страсть, но и жадная патетика, декларативность, позирование, раздражающие мейодраматические ноты. И здесь же многие главные персонажи — купец Кылина, в ряде сцен, к сожалению, и Марина — В. Долматова, — почему-то декларирующие, как стихи, прекрасную прозу Лескова. Режиссеру Н. Тенперу не удалось передать стиль автора, и он навязывает Лескову туземку ему высокопарность и напыщенность. Но дело не только в этом спектакле. Тревожит то, что и в других постановках надобно то же соседство истинного и поддельного, простоты и марнерности.

В театре есть талантливые актеры, воспитанные в хороших реалистических традициях. Востанная удача и детское простотуше партизанского командира Черныка («Сергей Лазо»), хитроватая простота и задирство деда Герасима («Хрустальный ключ»), приправленная елеем жестокость и неутомия, тонкая душа адылности часовщика Яковлева («Фальшивая монета») — все это огромную гамму чувств, оттенков человеческих свойств Г. Антошенок пропргывает безошибочно точно, добываясь полного красочного звучания.

Всего в одной роли Полины из «Фальшивой монеты» пришлось увидеть как М. Полетасу, но трудно забыть ее страшный, подавленный не то смех, не то плач и тихий голос, в котором слились и бесконечное пресечение, и горький сарказм, и радость освобождения, когда в последней сцене она бросает в лицо Яковлеву: «Спаситесь мой... Будь ты проклят, гадин!»

Можно подробно говорить и о П. Попове, и об А. Аркадьеве, Г. Аптине, А. Вранде, о Т. Виноградовой, П. Литвиненко, — всем им присущ тот простой, непринужденный реалистический стиль исполнения, который так четко и ясно проявился в «Хрустальном ключе» да, пожалуй, и в другом спектакле, поставленном Н. Бондаревым, — «Сергей Лазо». Главное достоинство этой постановки, на наш взгляд, в том, что режиссер и артист Аптин сумели отказаться от всяческой позы, от парадности, — увы! — присутствующей в пьесе, и проникновенно, просто рассказали о легендарном герое гражданской войны. Но здесь же претенциозное, крикливое исполнение М. Мукарашовой роли Нины Робертвны. Вот такие контрасты должны привлечь внимание коллектива, кстати, они проявляются и в режиссуре «Фальшивая монета» в постановке К. Ведерникова — свидетельство того, что коллектив способен решать самые серьезные творческие задачи, выдвигаемые горьковской драматургией.

В точно схваченной, взрывчатой атмосфере горьковской пьесы перед зрителем проходит вереница претендентов-наследников, представителей душевного мира, мира вороватых святош и полицейских, дворянских выродков и сыщиков, сладострастных дур и мещан с ушибленным самолюбием, людей, чьи чувства, желания, мысли, мораль — все фальшивая монета.

Театр не всегда поднимается до уровня горьковских обобщений. Но в целом спектакль, по существу не опирающийся ни на какую сценическую традицию, дал умное толкование горьковской пьесы.

Но вот «Разные люди» в постановке того же К. Ведерникова. Эта первая пьеса молодого драматурга В. Железнякова, повествующая о работниках рыболовной промышленности Камчатки, имеет одно несомненное достоинство: ее герои, действительно, разные люди, со своими резко очерченными взглядами. И эти различные взгляды сталкиваются, в пьесе происходит борьба идей, а это не так часто удается нашим драматургам. У автора, несомненно, острый глаз, стремление решать значительные задачи. Но есть в пьесе серьезные просчеты.

Дело не только в композиционной рыхлости — в первой пьесе это можно понять; беда в другом: интересно заявив своих героев, автор не сумел показать закономерное развитие их судеб. В пьесе отрицательно слабый третий акт. Подъем идей поднимается здесь острыми приложениями, развитие характеров — стремительной, головокружительно легкой перекошкой. Это тем более обидно, что самое интересное в пьесе — интеллектуальная борьба, и плохо, когда она решается при помощи должностных высканки.

По характеру и иное. К. Ведерников отступает здесь от принципов постановки «Фальшивой монеты». Все наиболее ценное в пьесе — мысль, поиски, мечты труппы оказались отнесенными на задний план. Зато тщательно разрабатываются жанровые сцены, любовные приключения, акцентированы комедийные мотивы.

В большинстве постановок Владивостокского краевого драматического театра имени М. Горького мы ощущаем подлинную простоту, стремление к суровому реализму, ясности мысли. Но хочется пожелать талантливого коллективу более последовательно и четко проводить именно эти принципы, решительно бороться с поверхностным, бытописательским подходом к жизни, с ложно-патетической манерой исполнения.

Ю. ХАНЮТИН

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РАСКАЗЫВАЕТ... НОВОЕ О БАТЮШКОВЕ

Сегодня исполняется сто лет со дня смерти известного русского поэта К. Н. Батюшкова. По словам Велинского, этот поэт «много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительным». «Одной этой заступе со стороны Батюшкова», — замечает Велинский, — достаточно, чтоб имя его прозвучало в истории русской литературы с любовью и уважением».

По просьбе редакции «Литературной газеты», доцент Н. Фришман, занимающийся изучением творчества поэта, рассказал о новых материалах, связанных с жизнью и творчеством Батюшкова. Они обнаружены исследователем в архиве Института русской литературы (Пушкинского дома) и в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Найден неизвестный стихотворения, до сих пор не входившие в собрание сочинений поэта. Крайне интересны неопубликованные письма Батюшкова. Некоторые из них относятся к поро Отечественной войны 1812 года и выражают патристические настроения поэта, служившего в армии в чине офицера.

Особенно ценной является найденная записная книжка Батюшкова «Разные замечания». Первые страницы книжки принадлежат в некоторые недоумение: они были написаны почерком, не похожим на почерк Батюшкова, и содержали резкие моралистические сентенции. Рададу принесло название тетради — «Разные замечания» 1807, дано в Москве 1810-го года, мая 12 дня ЖМ — Б. В. У. Сначала оно казалось непонятным, но потом конец его удалось расшифровать. Стало ясно, что тетрадь принадлежала Жуковскому, который в 1807 году вносил в нее свои замечания (он-то и был автором религиозно-моралистических сентенций). 12 мая 1810 г. Жуковский подарил тетрадь Батюшкову.

Записная книжка Батюшкова содержит более шестидесяти страниц. В нее входят его размышления на философские, политические и литературные темы, а также составленные им самим списки принадлежащих ему произведений («Расписание моих сочинений» и «Сочинения в прозе»). В этих списках есть ряд заглавий неизвестных произведений Батюшкова. Почти все записки в книжке были сделаны не позднее ноября 1810 года. Это имеет решающее значение для датировки многих произведений поэта, время написания которых до сих пор определялось лишь предположительно.

Наконец, исследователем найдены «Подробные сведения о последних днях Батюшкова, оставленные для П. Вяземского и брата поэта — П. Батюшкова. Они дают богатый материал для изучения последнего этапа жизни поэта и освещают обстоятельства его смерти. В «Подробных сведениях» особенно важно сообщение о том, что «в рубашку мужа сестры поэта Е. Батюшковой — П. Шпилюва находилась «библиотека покойного Батюшкова» и что «во многих книгах этой библиотеки следы «собственноручных» заметки поэта. Следует предпринять розыски этой библиотеки, которая могла быть много ценного для исследования творчества Батюшкова».

Новые материалы, связанные с творчеством Батюшкова, публикуются в одном из ближайших выпусков «Известий» отделения языка и литературы Академии наук СССР, а также в журнале «Литературная газета», подготовляемых к печати Гослитиздатом.

Реплики или окрики?

9 июля в «Литературной газете» была напечатана статья писателя Ю. Германа «Рукописи не возвращаются». Среди других примеров невинтательного отношения к авторам приводился и такой, когда редакция журнала «Огонек» отдала Ю. Германи, рекомендовавшему раскату молодой ленинградской писательницы, письмо, в котором он и не беря, немалый, сколь и мало возмущительным.

Ю. Герман спорил в своей статье с безапелляционным приговором раскату, вынесенным в журнале «Огонек». Можно соглашаться или не соглашаться с оценкой, данной раскату Ю. Германим. Это дело спорное. Право журнала — печатать или отклонять присланное ему произведения. Это дело бесспорное. Но так же бесспорно и другое — право молодого автора и опытного писателя, рекомендовавшего рукопись, узнать, в чем ее недостатки. Именно об этом в первую очередь и говорил Ю. Герман. В своей статье он писал: «Независимо от работы с молодыми талантами Союза писателей. Действительная, повседневная, постоянная помощь должна исходить из редакций журналов... Да, разумеется, это — работа на будущее, не на сегодняшний день, на завтрашний, но разве мы имеем право не думать о нашем завтра, о нашем послезавтра?»

Замечания и пожелания Ю. Германа крайне расстроили редакцию журнала «Огонек». В номере 29 «Огонек» поместила «Реплику «Литературной газете», где являлась статья Ю. Германа, призывавшего внимательно, погорьковски относиться к авторам, — известным и начинающим, — проявлением «нездоровых тенденций».

Ни словом не касаясь существа вопроса о стиле отношений к авторам, «Огонек» обрула писателя Ю. Германа, поднимавшего этот вопрос, и «Литературную газету», напечатавшую его статью. Таким образом, сама реплика «Огонька» оказалась подтверждением того, каков иногда этот стиль.

Видимо, журналу «Огонек» понравился способ ответа на критику, который недавно увидел своих читателей солидный журнал «Новый мир». В «Литературной газете» была напечатана короткая заметка по поводу «тоа-стости» журналов, разглагольствующих печатание романов и повестей на дилетантский срок, что не может не ослабить интерес читателей к ним.

Этот вызвал немедленную отповедь главного редактора журнала «Новый мир». К. Симонов так потропился выразить свое неудовольствие газетой, что отозвался на заметку, опубликованную 30 июня, в номере журнала, подписанном к печати 27 июля!

Ответ К. Симонова комичает так: «Порядок же расположения материалов в каждом номере журнала, пожалуй, целесообразно оставить в ведении тех, кто делает тот или иной журнал, не ввязывая этого труда на пасти редакции «Литературной газеты».

Иначе говоря, главный редактор «Нового мира» считает, что газета не имеет права высказывать критические замечания о том, как составляется номер журнала. Сравнительно недавно К. Симонов придерживался других взглядов на тот же самый вопрос. В «Литературной газете», которую он тогда редактировал, печатались статьи, рассматривающие работу журналов во всем ее объеме — от качества опубликованных произведений до участия или неучастия членов редколлегии в чтении рукописей.

Ответы «тоа-стости» и «тонкого» журналов скромно названы репликами. На самом деле это не реплики. Это окрики. Тем более, что в заметке по частному поводу «Огонек» счел возможным, без каких-либо доказательств, похода назвать критические статьи «Литературной газеты» «объективными и путаными».

Вести литературную полемику подобными «методами», отвечать на критику окриками — не в обычаях нашей печати.

Александр ЛАЦИС

Назовите фамилию!

В редакцию обратилась женщина, пожаловавшаяся остаться неизвестной. Она рассказала свою жизнь, не называя фамилий, не называя имен.

Она объяснила, что не хочет губить общественное положение двух человек — своего мужа и своего сына. Она не хочет полностью и окончательного краха семьи. Она не хочет быть жестокой.

Как ни веска каждая из этих причин, в конце концов долгого разговора слышала еще одна, главная причина. Это был брак. Она боялась этих двух людей, их мести. Да, это так. Она их боялась. О семье своем она говорила, как говорят все матери: если что в нем плохое, — это все наносное, за это не его надо винить. Чужое влияние, влияние отца. Мальчик (мальчику 23 года) такой способный. Талантливый. Музыкальный. В мать (у нее — музыкальное образование). Где он учится? Он студент. Переходит на пятый курс. Вы спрашиваете — на каком факультете? Нет, не на филологическом. Хорошо, если это знает, я скажу. (И она называет факультет). Он такой безалаберный. Он не понимает, что он из тех, кого сейчас называют «стипендиатами». Скромный мальчик. Но если у матери нет денег на билет в Большой зал консерватории, этого он не понимает. Грубит. А я не могу перенести непристойную брань.

Все хозяйство на мне. Я должна думать о том, что уложиться в бюджет. И я отдаю сыну: хочешь, чтобы денег было больше? Беречи то, что есть в доме.

А отец обрывает: «Зачем ворчать? Пусть будет тихо. Лучше я еще дам денег. Только, чтобы не было разговоров». Он не приучает сына к бережливости, к труду, к порядку. Они оба не переживали. На роле могучих, завязаны не только глаза, — носки. Они совсем ничего не берут от вещей.

Постепенно он восстановил против меня сына. Муж считает, что во всем виновата я. У него перед семьей нет никакой ответственности. Приносит в дом деньги и говорит: «Остальное меня не касается».

Из-за него я ушла в домашнее хозяйство, потеряла профессию. А он совершенно не интересуется моей внутренней жизнью. Молча приходит и уходит. Поест, уткнется в книжку или ложится спать. Они оба не с чем не считаются, могут допоздна настраивать радиоприемник, даже если я больна.

Если сын меня встретит на улице, — иду из магазина, несу продукты, тяжело мне, — никогда не поможет. Никогда не возьмет под руку.

Мы втроем были в театре. Я уронила бинокль. Никому из них не пришло в голову

Рассказ без конца

поднять. Это сделал какой-то случайный сосед. В антракте они оба убежали, обменялись несколькими словами. Я осталась сидеть одна. Больше я не вижу с ними в театр.

На работе у мужа отличная репутация. Он способный человек. Его все любят, там он милый. При знакомстве держится со мной оба спокойно, ровно, артистически. «Хорошие артисты вы, оба», — говорю я им.

Только когда я бываю с мужем у общих знакомых, только тут из его рассказов о работе что-то узнаю о нем. В компании он может блеснуть. А со мной никогда ничем не поделится.

Ему хочется жить без всякого отчета. «Мои дела не вмешивайся». Иногда мне приходится помогать редакциям его разрыскивать. Да, он журналист. Он известный журналист. У него есть имя, и я встречаю его статьи в разных газетах и журналах. Когда какой-нибудь редакция нужно его разрыскивать, — естественно, обращаются ко мне. А он возмущается, считает, что это за ним слежка. Раньше, действительно, я его спрашивала: где же ты так поздно был? И он отвечал: «Это тебя не касается». Лет пять назад он, как обычно, ответил: какое тебе дело? Я сказала, что и домработнице платят, когда придут домой. А я мать твоих детей. Он начал меня бить, я чуть что он раздражает, — с тех пор был. Последний раз это было при старшем сыне. Сын не вмешивался. Вышел. Это было сегодня.

Хотя муж человек интуитивный, но я не могу считать его культурным человеком. Они оскорбляют себя. Как отец может молчать, когда сын грубит? Как сын может молчать, когда отец бьет его мать?

Я никогда никому об этом не рассказывала. У меня есть подруга со школьной скамьи. Она считает нашу семью святой. Никто от меня ничего не слышал. Только к рождению я подожду уже три года. Мне слишком плохо. У меня не две души, как у моего мужа, который пишет одно, а делает другое.

Терпеть больше я не могу. Тяжело выносить постоянную унижения и мне просто больно, вы понимаете, физически больно. Я терплю все это по имя младшего сына. Ему двенадцать лет. Его нельзя не любить. Очаровательный бутуз. Хорошо учится. Мягко. Маму жалует. Брата пытается стыдить. А я думаю о том, что в его возрасте и старший брат был мягкий, ласковый, открытый.

Я несколько раз предлагала мужу уйти. Сними комнату для себя и для старшего сына.

Но, честно говоря, мне стало бы страшно, если бы он ушел совсем. Как жить, когда жизнь прожита, профессию я потеряла, как я буду содержать младшего сына?

Что его держит? Я не знаю. Я думаю, что не комната, не дети. Скорее всего, возраст. То же, жизнь прожита. Ему пятьдесят лет. Я не знаю, что мне делать. У меня нет свидетелей. Он говорит: если ты пойдешь в суд — ничего не докажешь. Все скажут, что я хороший человек, а сын за меня.

И, действительно, все скажут, что он хороший человек, и действительно, сын за него, и все кончится тем, что у меня, дескать, расстроены нервы, лечиться надо. А они у меня, конечно, расстроены. Ведь у него куда больше выдержки, чем у меня. Теперь вы понимаете, почему так важно, чтобы он не знал о нашем разговоре. Если он узнает, он примет свои меры.

Может быть, можно написать обо всем этом, не называя фамилий, не называя имен? Может быть, тогда человек все-таки поймет, что нельзя так обращаться с другим человеком? Хотя нет, ничего он не поймет. Но он почувствует, что и до него могут добраться, и возьмет себя в руки. Ни на что большее я не надеюсь. Я заметила, что каждый раз, когда в газете появляется фельетон или статья про плохих людей, муж на несколько дней становится тише. Значит, боится все-таки...

Итак, «герой» нашего рассказа — человек образованный, с эрудицией. На работе он составляет в статьи правильные цитаты на любые темы. Про пережитки прошлого, про родимые пятна и про то, что советская женщина — большая сила. Дома — он послушный, распускающийся хулиган, подлинный мажорскую руку из мата своих детей. Если человек зайдет на улице случайного прохожего, избьет, — все ясно: перед нами хулиган, такого надо судить. И его судят. Если дело происходит в коммунальной квартире, — почему-то называют хулиганом не хулиганом, а скандалистом или склочником. Обычно советуют обменять жильщальную, короче говоря, — бежать. Что было бы на улице, если б к полверге-мусу нападению немедленно подошли бы постовой и сочувственно шепталь: бегите скорей на соседнюю улицу, там вам, может быть, будет спокойнее!

Когда хулиган дает волю рукам не пахуче, а в своей комнате это называется еще деликатней: семейные неприятности. Между тем таких разнузданных хулиганов надо тоже судить. Именно судить, а не ограничиваться моральным осуждением, судить без проволок, без углубления в душевные переживания данного мерзавца.

Если исключить такую дичь, невероятную «подробность», как рукоприкладство,

все остальное, рассказанное выше, пожалуй, не в диковину. Существует, может быть, не одна семья, где муж превратил жену в высокую квалификацию домработницу. И сделал это постепенно, молча, без всяких объяснений, без «никемных» разговоров. Сэкономил на этом молчании свое драгоценное время и свои драгоценные нервы. Освободил свою молчаливо, черствую душу от хлопотливости, утомительности, обязанности — еще и дома быть вежливым.

Предоставил себе все удобства, все права, всю свободу и взамен кропотливую, мелкую, будничную ляжку забот о доме, о семье на человека, у которого отнял все. Отнял право работать, право зарабатывать, даже право заботиться о своей одежде, о своей внешности.

Построив жизнь для себя максимально удобно, такой эгоист непереносимо твердит: — мученик. И охотно верит своей выдумке, ибо ему эта поза выгодна. Он искренно возмущается, когда его жена пытается... заговорить с ним. Какое упорное непонимание своего положения! Нет, «в этом доме находится нельзя». Нет, «мне тюрьма и каюда лучше, чем жизнь с тобой», и снова и снова: «Если бы ты молчала, все было бы хорошо».

Люди бывные могут подумать, что у него есть вторая семья, есть человек, которого он любит, и что он «ради детей», ради общественного положения тянет неужную ляжку, не ломает до конца первую семью. Вряд ли! Какая тут вторая семья, когда для него одной слишком много. Какая тут любовь! Настоящая любовь сильнее эгоизма, сильнее самолюбия, сильнее даже душевной черствости и лени. Слишком трудно, слишком ленив этот человек, чтобы разрешить себе такое беспокойное, такое неудобное чувство, как настоящая любовь.

Случайные романы без романтики, без принадежности. Романы, затеявая которые, он прежде всего думает о том, как своеобразно развлекать, освободиться, как бы не попасть в ловушку... Вот и вся его трусливая, скучная «личная жизнь».

Облик этого мещанина, казалось бы, ясен. Но ведь это внутренний его облик. А внешне он носит маску высокопородного человека. И выдает себя, свой подлинный облик и образ он не собирает. Как Клим Самгин, он приспособлен, существовать, прикрываясь силой жалкой эгоизм системой советского века. Вероятно, статья он пишет такие же безличные, объективные, как статьи, которые писал Самгин, его подлинный учитель жизни, его наставник.

Насчет «безупречной репутации» жена его все-таки точно напугала. Напрасно она верит его самодовольному похвалю. Неужели плохого человека абсолютно все считают хорошим? Да быть этого не может! Конечно же, время от времени окружающие удивленно морщатся. Ведь в нем нет-нет, да и мелькает что-то жадное, злобное, завистливое, склочное. И говорят тогда разо-

ничего не объясняющие слова: у него, знаете, какое-то болезненное самолюбие. И когда новый случай заставляет вспомнить о случае старом, мы все-таки их не суммируем, а продолжаем твердить: «Да, немужжко склонник. Да, не радуется ничьим успехам, никого не любит. Но человек неглупый, работник полезный, свое дело знает». И кому придет в голову, что перед нами склонник не простой, а злокачественный?.. Невольно я стал думать, — кто же этот журналист с именем, известным еще в доколлективные годы? Я не хотел нарушать данное слово и по каким-то косвенным признакам начинать розыски. Я хотел понять и догадаться. Но, припомнив знакомые фамилии, не нашел ни одной, у которой мог бы сказать хотя бы с некоторой долей уверенности: пожалуй, это на него похоже.

Да как, собственно, мог я догадаться, если герой этого рассказа — эгоист, всегда помнящий, что невыгодно производить впечатление эгоиста? Может быть, я рассказывал эту историю ему самому, и он вместе со всеми возмущался, негодовал и твердил, что таких мерзавцев не бывает. И спрашивал меня снова и снова: «Вы, конечно, знаете фамилию, не можете быть, чтобы вы ее не знали... Но мне-то вы можете сказать... Мне-то вы можете довериться. Назовите фамилию!»

Назовите фамилию? Но я не знаю фамилии. И не хочу ее знать, и не хочу называть. Ибо фамилия должна называть героя этого рассказа. Назвать громко, вслух. Обратиться в коллектив, где работает этот человек. С верой в силу коллектива и в свою собственную силу. И тогда из забытой, безвольной женщины она станет человеком.

Сейчас не такой век, чтобы дрожать и держаться за мужа. Наши женщины, действительно, стали большей силой, получили в жизни все права. А она постепенно уступала, отступала, терпела. Сначала отдала свое право на труд. Потом отдала свое личное достоинство. Достоинство жены, достоинство матери. Муж и сын тянули, дико оскорбляли ее своей грубостью. Поймет ли она, что своей покорностью она оскорбила всех советских женщин? Поймает ли она, что ее долгое, удивительное, страшное терпение, ее слабость и безрассудность теперь вызывали не сочувствие, а только недоумение?

Сто и даже пятьдесят лет назад в иных семьях воево, не скрываясь и не стесняясь, бушевали всевозможных сортов самодуры. Тогда обычным, привычным делом было покорять их жен. И если женщина находила в себе силу для протеста, это было необычайным явлением, случаем сета в темном царстве. Все перемешалось с тех пор. И необычайным явлением выглядит теперь женщина запуганная, забитая, униженная.

БОЛЬШЕ ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТИ

СТИХИ Н. ПЕРЕВАЛОВА

ЗРЕЛОЕ МАСТЕРСТВО

Любит у нас людей бывающих, следопытов. К таким соратникам, вечно идущим, работающим в огромном краю, относится и Кондратий Никифорович Урманов.

Этот маленький рассказ наполнен большим содержанием. Он говорит о тех первых голосах дружбы и любви, которые юноша забирает с собою в жизненный путь.

В детстве они оба учили друг друга произносить слова незнакомого языка. Потом «Майская», как называет мальчика Патиша, начинает задумываться о высоком призвании человека.

Встретившись после годичной разлуки, юноша, услышав пение жаворонка, обращается к подруге, как когда-то в детстве.

То, что Кондратий Урманов совсем недавно написал этот рассказ, полный поэтического чувства и глубокого смысла, говорит о его творческих возможностях и радуит читателей.

Сорок лет писатель работает в литературе. В своих рассказах, посвященных природе и человеку родной его Сибири, обращается к нашей молодежи.

Если внимательно прочитать не так давно изданную книгу рассказов Урманова, непременно задумаешься над рассказом «Изна», и над прекрасным рассказом «Под розной ночью».

«Сибирские огни» — одна из старейших советских литературно-художественных журналов. Здесь активно сотрудничали многие, ныне широко известные прозаики.

«Сибирские огни» — одна из старейших советских литературно-художественных журналов. Здесь активно сотрудничали многие, ныне широко известные прозаики.

В романе Н. Павлова немало жизненной правды. И все-таки «Конструкторы» написаны очень неровно. Интересные, выходящие из жизни страны и события.

В нескольких недавних номерах журнала опубликованы третья книга романа «Хребты Саянские» С. Сартакова.

Ведущая тема журнала — преобразующая сила творческого труда при социализме. Инженер-контрактор Н. Павлов добивается в литературе своего главного успеха.

Н. Павлов создал привлекательные образы передовых советских людей, умеющих смело действовать, умно мыслять и смело чувствовать.

В лучшем из рассказов романа «Изна» описание разрыва Константина Горина с пустой и эгоистичной Светланой Шабаловой.

В Сибирии рассказы Кондратия Никифоровича Урманова читают и дети и взрослые. Многие своих читателей он с юности научил понимать, какова шедевр, удивительная привада их открывает.

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

Хороший колхоз показан Ворониным слабее, но и здесь внимание очеркиста сосредоточено на главной проблеме — на организации труда в колхозе.

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

Хороший знаток природы Сибири, особенностей и трудностей ее сельского хозяйства, Контелов написал в своем романе немало выразительных сибирских пейзажей и картин сельского труда.

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

О. ВОЙТИНСКАЯ

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

Прочитаны и вновь переписаны последние номера «Сибирских огней». Строки и строки стихов... А что осталось в памяти? Что тронуло за душу, взволновало и заставило пережить те не сравнимые ни с чем минуты радости?

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

А. ДЕМЕНТЬЕВ Поэзия подлинная и мнимая

Один из положительных героев романа А. Контелова «Сал», главный агроном краевого управления сельского хозяйства Шаров, добился, чтобы его направили на работу председателем колхоза.

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

ДЕЛА И ЛЮДИ

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

ДЕЛА И ЛЮДИ

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

ДЕЛА И ЛЮДИ

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

«Сибирские огни» — это не только название нашей статьи, так озаглавлен и последний раздел журнала «Сибирские огни».

Женевский дневник

17 ИЮЛЯ Сегодня, в солнечный воскресный день, с самого утра поток журналистов, комментаторов, наблюдателей, фоторепортеров и кинооператоров устремился на аэродром Буантрай, чтобы успеть занять удобное место в момент прибытия Советской Правительственной Делегации.

Стоявший рядом со мной молодой и экспансивный американский фоторепортер, впервые в жизни так близко видевший советских государственных деятелей, лихо рождало щелкал аппаратом, но молосидро крутя головой и с приятным удивлением выкрикивал, не стесняясь: — О, смотрите, смотрите — Булганин!!! А это Хрущев! О, вери-вери гуд!.. О-о, Жуков, грядь маршал! Наш Айк ценит его!

Потом этот непоседа-фоторепортер направил свой аппарат на улыбающегося Министра иностранных дел СССР В. М. Молотова, который в окружении толпы дипломатов как раз в это время проходил мимо трибуны прессы, и несколько раз сфотографировал его.

Огромный интерес к советской делегации характерен сегодня для настроений господствующих в Женеве накануне встречи «Большой четверки». Впервые за много лет состоится совещание глав правительств великих держав. Оно должно создать предпосылки для мирного разрешения спорных международных проблем. Должны быть открыто изложены точки зрения сторон, найдены реальные пути к прекращению «холодной войны» и укреплению мира на широкой основе улучшения отношений между всеми странами.

Сегодня же вечером у меня была любопытная беседа с одним известным американским журналистом, который, между прочим, сказал:

— Вы не представляете себе, как это хорошо для всех, что приехала такая крупная и представительная советская делегация! Думаю, мне, что это убеждает в том, какое огромное значение Советский Союз придает Женевскому совещанию... Кажется также добрым предзнаменованием, что в составе этой делегации, наряду с Г-ном Хрущевым, находится и Маршал Жуков. Своим присутствием он постоянно и в благоприятном смысле напоминает о недавнем славном братстве по оружию, о дружбе и сотрудничестве между американским и советским народами... Это просто здорово!

Здесь царит всеобщее убеждение, что дружеские встречи участников Совещания будут способствовать созданию благоприятной атмосферы для конференции. Светлые надежды на то, что Совещание четырех откроет путь к широкому мирному перегово-

рам впоследствии, — вот что наиболее характерно для настроений в Женеве. При этом многие отдают себе отчет в том, что эта первая за последние годы встреча не обязательно разрешит сразу все назревшие и спорные мировые проблемы. Здесь сходятся на том, что это может быть задачей ряда последующих конференций в различных частях света с участием всех заинтересованных государств. В Женеве необходимо положить начало созданию благоприятной атмосферы для будущих конференций, из которых, несомненно, поможет и может укрепить еще больше дело мира.

Мне пришлось говорить со многими людьми и в пути и здесь, в Женеве. Люди разных политических взглядов и убеждений выражали уверенность, что встреча четырех великих держав положит начало эпохе «холодной войны». И есть все основания для разумного, оправданного оптимизма. Атмосфера в Женеве способствует этому, несмотря на некоторые попытки замутить ее.

Женева встречает прибывающих глав четырех великих держав надеждами, цветами и... знойным летом. Это последнее обстоятельство позволило одному из видных французских карикатуристов сделать рисунок, отражающий настроения, царящие здесь. На нем изображены Эйзенхауэр, Булганин, Иден и Фор, дружащие беседуя под жаркими лучами солнца перед Дворцом Наций. Они без поджарков, в летних рубашках и с расстегнутыми воротниками и утирают пот со лба. Под рисунком надпись: «Ну вот, кажется, «холодной войне» действительно наступает конец!»

18 ИЮЛЯ Еще за несколько часов до начала Совещания, на рассвете, журналисты начали собираться у Дворца Наций, чтобы присутствовать поближе к главному подъезду и поудаче рассмотреть делегации великих держав.

Но не только журналисты — все жители города торопились на улицы: шпалеры долгие выстроились вдоль всего пути следования делегаций. И в беседах, завязавшихся тут же, звучал огромный интерес к встрече, звучала надежда на то, что главы правительств четырех великих держав сумеют наметить пути к разрешению важнейших проблем, от которых зависят судьбы мира.

Наконец, к зданию Дворца Наций подъехали Премьер-министр Франции Фор и Министр иностранных дел Плиз. Через 4 минуты подошла машина Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и члена Президиума Верховного Совета СССР

Н. С. Хрущева. Следом шла другая машина, в которой сходили Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР и Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов и Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. После них подошел Президент США Эйзенхауэр и Государственный секретарь США Даллес. Почти одновременно с ними появились машины английской делегации.

Собравшиеся горячо приветствовали появление советской делегации в открытых машинах, медных без всякого сопровождения. Товарищи Булганин, Хрущев, Жуков и Молотов тепло отвечали встречавшим.

Перед началом заседания, которое было объявлено открытым в 10 часов утра по средневропейскому времени, фоторафы и кинооператоры, заполнившие галерею зала заседаний, снимали глав правительств и членов делегаций. Делегации разместились в зале заседаний вокруг четырех столов, расставленных четырехугольником. Спину к окну разместилась американская делегация. Направо от американской делегации — стол советской делегации. Слева от американской делегации — французская делегация, а между французской и советской делегациями — английская.

Фотокорреспонденты и кинооператоры покинули зал до начала заседания...

Первое заседание открыл сегодня Президент США Дуайт Эйзенхауэр. Он коротко приветствовал участников конференции, а затем выступил «хозяин» Дворца Наций генеральный секретарь ООН Г-н Даг Хаммаршельд. Начались выступления глав делегаций. Первым взял слово Эйзенхауэр, затем Премьер-министр Франции Эдгар Фор. После них провознеси речь Премьер-министр Англии Антони Иден и Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин.

Каждый из нас, журналистов, внимательно изучил текст этих заявлений. Большое внимание привлекало также к тем беседам, которые ведутся в дружественной обстановке на очередных приемах у глав делегаций.

Как известно, вчера вечером первая такая встреча состоялась у Эдгара Фора, который устроил прием в честь Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и членов советской делегации. Сегодня вечером будет устроен прием в честь Н. А. Булганина и членов советской делегации у Президента США Эйзенхауэра.

Эдмунд ОСМАНЧИК, польский публицист

ЖЕНЕВА, 18 июля. (По телефону)

СЧАСТЛИВЫЕ ДЕТИ ВЬЕТНАМА

Эти веселые дети Вьетнама радуются миру на родной земле. Вновь могут они спокойно глядеть в синее небо, на парящих в высоте белых аистов. Вновь по горным тропинкам спешат в школу или играют у зернового рисового поля.

Трогательна забота народа о юных вьетнамцах, об их благополучии, учебе. Даже в самые трудные дни войны, когда в джунглях не затихли оружейные раскаты, когда вражеские летчики заливали налетом мирные селения, не прекращали своей работы школы. В самой глухой деревушке, укрытой тропическими лесами, можно было увидеть школу — большой навес, ряды бамбуковых скамеек, ребят, склонившихся над книгами. Иногда не хватало бумаги, писали на банановых листьях, на земле.

Все это теперь позади. Заботливые руки народа строят в Демократической Республике Вьетнам новые школы, летские сады. Издаются новые книги.

Вот для этих детей, что на снимке, для их матерей, как и для матерей всей земли, мир — это важное слово. Они хотят, чтобы больше ничто не нарушало спокойствия синего неба, спокойствия зеленых долин, чтобы народы договорились между собой о сохранении великого блага человека — мира во имя жизни.

Снимок из французского журнала «Фам франсез»

За общность немецкой культуры

Положение немецкой культуры, вызванное расколом Германии, который в настоящий момент отражается и на ее политической жизни, породило у немецких деятелей культуры сознание обязанности — на основе общности исторического прошлого призвать к общности нашей немецкой культуры и в будущем. Так возникла «Программа устрояния безотцовщины» — программа устрояния безотцовщины в области культуры Германии, которую называют «Программой помощи» или «Байретской программой», провозглашенная Германским конгрессом культуры в 1952 году и дополненная в 1954 году так называемыми «Берлинскими решениями».

«Программа помощи» родилась в результате сотрудничества деятелей культуры и искусства, принадлежащих к различным политическим течениям, но придерживающихся объективного взгляда на вещи. Несмотря на все их различия, у них было и есть нечто общее: это чувство ответственности за свое дело, за Германию в целом.

Конгресс культуры представляет собой свободное объединение немецких деятелей культуры западной и восточной частей страны, кровно заинтересованных в целях, преследуемых «Программой помощи». Мы знаем, конечно, о политических различиях между Западом и Востоком, мы сами являемся носителями этих различий. Однако мы никогда не согласились с тем, чтобы они стали причиной раскола немецкой культуры с ее богатой историей: это означало бы конец немецкой культуры, конец всей Германии, лишило бы всякого смысла нашу работу. Поэтому мы придерживаемся мнения, что политические разногласия не могут служить основанием для того, чтобы осыпаться друг друга бранью и оскорблениями и порывать всякие отношения. Эти вопросы, как, впрочем, и все другие, нужно обсуждать объективно.

Что же мы достигли в своей деятельности в целях единства немецкой культуры? Основные положения, из которых в свое время исходил наш конгресс и которые привели к созданию нашей «Программы», могут быть изложены в трех пунктах.

Мы помним о немецкой истории, в которую все мы уходим корнями и которая налагает на нас обязанность наряду с другими народами внести свой — немецкий — вклад в сокровищницу общечеловеческих ценностей; в этом состоит смысл каждой культуры.

Мы требуем мира между народами, ибо только мир дает вообще возможность существования культуры. Немецкая культура тоже может существовать лишь в условиях мира, не препятствуя мирному развитию других культур и признавая за ними их ценность в той же мере, как и требую от них признания ее ценности.

Наконец, мы исходим из принципа свободы деятельности и желаем, чтобы для этой деятельности были созданы необходимые материальные и духовные предпосылки даже в условиях политического раскола Германии и противоречий между Западом и Востоком.

В своей истории Германия часто была полем битвы, но не менее часто она играла роль моста. Мы видим свою задачу в том, чтобы превратить сохранившуюся ее общность немецкой культуры в мост между Западом и Востоком, привести к существованию участию немецкой культуры в мировой культуре и к миру между народами, на основе которого только и можно построить настоящую культуру.

Эти три пункта объединяют деятелей культуры Западной и Восточной Германии, сотрудничающих в Конгрессе культуры. Практические выводы, направленные к осуществлению программы, более или менее непосредственно вытекают из этих основных принципов.

Лучшее, что могут политические деятели сделать для культуры и к чему мы их настойчиво призываем, — это создать предпосылки и условия для свободного развития единой немецкой культуры и наряду с ней подлинного гуманизма, объединяющего народы. В наших глазах — это задача, побуждающая современным политическим деятелям Германии. Мы благодарны тем из них, кто выполняет эту задачу.

Мы хотим и требуем мира. Только в условиях мира может вообще существовать культура; понятия «мир» и «культура» идентичны. Культура может развиваться только в мирных условиях. Культурное творчество не знает иного оружия, кроме духовного, даже тогда, когда политические деятели считают себя обязанными отстаивать его под защитой оружия другого рода. Это оружие другого рода должно и может быть отброшено, если люди всего мира и их руководители стоят за разум и культуру. Именно сейчас сторонники разума должны объявить преступлением попытку отделить культуру, цивилизацию и идею от культуры. В самом деле, разве мало мы пережили и переживаем в течение двух мировых войн, чтобы теперь забыть о наших детях? Неужели они, как и мы, вновь должны стрелять друг в друга, калечить и убивать друг друга — не только немцы против других народов, что уже достаточно скверно, но и немцы против немцев? Неужели жалкий негодяйство вновь каких-то людей, стоящих у власти, вновь должен быть сброшен бомбу на безмятежно спящий город, одним ударом не просто уничтожить 100 000 и более человек, но и

Карл Заллер — известный западно-германский ученый, директор института антропологии в Мюнхене, один из организаторов Германского конгресса культуры, начавшего свою деятельность в 1952 году.

Весной нынешнего года на очередном годовом заседании конгресса профессор Заллер выступил с докладом. При спорности некоторых частных замечаний доклад представляет большой интерес как выражение воли немецкой интеллигенции к единству немецкой культуры, к единству страны. Мы публикуем доклад в сокращенном виде.

причинить им муки медленной смерти от радиоактивных лучей, — этим мужчинам, женщинам, старикам, детям, которые, подобно нам, хотят только жить и мирно трудиться, наслаждаясь счастьем подчас более чем скромного существования? Разве не ясно, что все это — безумие? Мы не хотим вновь осыпаться наших детей под стальную ливень уранового огня или вместе с ними подвергнуться радиоактивному заражению.

Мы хотим и требуем свободы, причем не свободы умирать, как это хотят другие, а свободы жить, как этого требует наша цель.

Культура может существовать только в свободном контакте всех духовных сил, при наличии свободы информации и выражения мнений, при наличии свободы самими мнениями, а также свободы обсуждения этих мнений и даже их изменения, если основательные причины требуют этого.

Все должны решать объективное исследование и практическая проверка, а не авторитарная власть и случайное обладание каким-либо материальным богатством. Только в многообразии свободного развития всех творческих сил лежит богатство каждой культуры и человеческого коллектива, только в условиях мирного труда эти творческие силы могут достигнуть полного развития.

Мы хотим и требуем служения нашей цели делом, а не словом, мы требуем материальных и духовных возможностей для такого служения.

Мы хотим добиться своей цели путем мира и свободы, мы хотим осуществить ее, действуя в духе подлинного гуманизма, иначе мы ее не осуществим.

Гуманизмом называется сохранение целостности как отдельного человека, так и человеческого общества, сохранение целостности тогда, — и именно тогда, — когда отдельные стремления не совпадают между собой. Не стирание и нивелирование противоречий является целью культуры и гуманизма, а некая общность, включающая в себя эти противоречия и позволяющая им плодотворно воздействовать друг на друга. Такой гуманизм и есть единственная духовная сфера, в которой можем сейчас существовать мы, может существовать немецкая культура совместно с другими культурами. Это сознают сейчас во всем мире, эти идеи проникают в сознание и совесть людей.

Наконец, мы хотим и требуем существования Германии, которая должна быть для нас воплощением мира, свободы и нашей работы.

Страны делами, делами моря, делами даже сама Земля. Поэтому существование является лозунгом дня. Конечно, в мире возможно только существование, но в Германии — только единство. При любом режиме внутри страны мир и культура во всем мире могут развиваться лишь на основе человечности, взаимно оплодотворяя и стимулируя друг друга.

Изоляция вызывает бесплодие. Мы не националисты. Великий французский писатель Томас Манн о мире

Голландская печать уделяет большое внимание выступлениям известного немецкого писателя Томаса Манна, посетившего Голландию в связи с награждением его высшим голландским орденом «Ордене-Насса».

Газета «Де Ваардей» сообщила о речи, произнесенной Томасом Манном в Амстердамском университете. Писатель осудил фашизм и выразил свое восхищение перед музеем, с которым голландский народ боролся против гитлеровских захватчиков. В лекции о Шиллере, касаясь вопросов современности, Томас Манн призвал положить конец политике поджигателей новой войны и запретить атомное оружие.

На пресс-конференции в Амстердаме, сообщила газета «Хет Парол», писатель высказал убеждение, что в настоящее время существует тенденция к ослаблению напряженности между Западом и Востоком.

Поддерживая и выражая свое восхищение Томасом Манном, сказал, что мир нужен советским людям для осуществления планов строительства.

ский ученый Пастер сказал однажды: «Наука не имеет родины, или точнее: родина науки — весь мир». Но я думаю, что и среди нас есть ученые, которые по-настоящему отсутствуют родины, как великую скорбь. Отсутствие родины — материальной и духовной — это вообще болезнь нашего времени и его людей. Мы хотим, чтобы была Германия именно потому, что родины нашей является немецкая культура. Не может существовать отдельная — западная или восточная — культура, может существовать только одна немецкая культура, иначе вообще не будет никакой немецкой культуры. Мы хотим, чтобы была Германия и для того, чтобы мы, немцы, искоренившие ее земли, могли снова вращать в мир для того, чтобы ввести Германию, избалованную от бедствий и позора, в которые она была вовлечена безумием прошлых лет, в мирное сотрудничество народов — всех народов; для того, чтобы обрести в этом сотрудничестве все, к чему мы стремимся: мир, свободу, работу, родину; мы хотим обрести все это, как члены человеческого коллектива, в котором мы все равны — в счастье и горе, в спорах и примирении, в печали и радости, независимо от того, какое мы носим платье, на каком языке говорим, какому богу молимся и к какой цели стремимся. Мы хотим и требуем, чтобы Германия была именно такой.

Таковы наши желания и требования в настоящий момент, после того как наш Конгресс культуры и его «Программа» прошли сквозь перекрестный огонь политики сегодняшнего дня.

Говорят, что один и те же понятия немецкого языка имеют сейчас на Западе и Востоке разные значения. Я думаю, что наши формулировки имеют одинаковый смысл как на Западе, так и на Востоке. Я хотел бы поставить их на обсуждение в обеих частях страны, на обсуждение без оскорблений и запретов, в атмосфере необходимой свободы слова.

За прошедшие годы мы достигли интенсивного обмена во всех областях культурной жизни; в порядке культурного обмена читались лекции и доклады, проводились гастрольные концерты, спортивные игры и т. п. Примечательно не только самый факт, но и то, что эти мероприятия проводились в духе объективности. Политические вопросы рассматривались в духе терпимости и личного уважения к противникам, в духе, который мы в нашем кругу всегда считали само собой разумеющимся.

Мы, конечно, не хотим, да и не можем приписать себе заслугу организации всех подобных встреч Востока с Западом — очень многие из них возникли, как и наша программа, из общего настроения народа...

Мы хотим относиться к другим людям и всему человечеству с такой же серьезностью, какой мы требуем по отношению к себе.

Этим определяются и наши дальнейшие отдельные требования: информация и дискуссия вместо замыкания в собственную скорлупу, вместо калевитической нетерпимости и опеки, взаимное понимание вместо натравливания друг на друга народов и рас, личное мужество, противопоставляемое лезвием попыток запугивания, твердые позиции по отношению к злоупотреблению наукой для подготовки войны и в этой связи, в особенности, использование всей атомной энергии не для войны, а для мирных целей...

Что касается Германии, то мы приступим к этому в условиях возможности еще более тесного сотрудничества всех деятелей культуры Запада и Востока, и я хотел бы еще указать при этом на особенно неотложные и представляющие всеобщий интерес задачи. Речь идет о совместной охране молодежи во всех областях нашей социальной жизни, о профилактической медицине, предохраняющей человека от физических и душевных болезней нашего времени и способствующей возвращению ему здоровья и искренности во всех отношениях. Это общенемецкие мероприятия, печатные издания, выставки, игры и проекты во всех областях нашей духовной жизни и т. п. В особенности можно и должно усилить обмен спектаклями в год шиллеровских юбилеев торжеств. В других областях культурной жизни надо стремиться к тому же; например, к сотрудничеству по вопросам планирования городского строительства, к обмену издательскими лицензиями, к предоставлению ученых права свободных научных выступлений, но также и права на полемику, и так далее.

Недостоинством в последние годы были наши Конгрессы культуры со всеми его задачами через все неожиданные и отчасти аномальные препятствия и поползновения. Наша цель ясна — это общность немецкой культуры. Она стала еще яснее именно тогда, когда препятствия, на которые мы натолкнулись, помогли нам и давали все возможное вновь возродить общность немецкой культуры в духе гуманизма!

Карл ЗАЛЛЕР

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-84-28, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-84, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

ВЕЛИКОЕ ЖЕЛАНИЕ

Александр ЧАКОВСКИЙ

Часто играют в синонимы. Точнее, они играют словесными понятиями. Им хочется бы продолжать говорить с позиций политики силы. Но диктат остается диктатом вне зависимости от того, высказываются ли он за столом совещаний или в отсутствии собеседников.

Но есть другой язык, на котором должны говорить все правительства. Это язык взаимного уважения и доброй воли. Нет, разница в политических взглядах, различные философские и всекие иные убеждения не могут, не должны препятствовать разговору на этом языке.

Когда подписи священника, коммерсанта и рабочего, социал-демократа, консерватора и коммуниста встречаются на одном листе, где напечатано Обращение Всемирного Совета Мира, они объединяются не на почве коммунизма или капитализма, не на почве католицизма, ислама или православия. Их объединяет единственное: жажда мира, стремление избежать ужасов атомной войны, желание поставить атом на службу человечеству. Только сумасшедший может предположить, что английский философ Бертран Рассел стал ближе к коммунизму после своего послания Всемирной Ассамблеи Мира. Но Рассел подчеркивает необходимость убедить правительства различных стран в том, что условием обеспечения мира является соглашение между всеми странами.

Я знаю, каким уважением пользуется в самых различных слоях французов Эдуард Эррио. Я видел во французском парламенте, как в напряженнейшей атмосфере дебатов о планах ЕОС, когда, казалось, были расклены даже стены Бурбонского дворца, сотни депутатов, разгоряченные ожесточенной полемикой, устроили овацию начинавшему свою речь Эррио.

И вот сейчас, накануне Женевского совещания, Эдуард Эррио призывает, «чтобы конструктивные действия Европы... Я стою в первом ряду среди тех, кто ожидает от Совещания в Женеве такого результата, на который так долго надеялись», — сказал он.

Эти слова напомнили мне о встрече в Париже, о беседе с писателем Франсуа Мориаком. Идя к нему, я думал о тех трудностях, которые создадут в разговоре десятки «но», разделившие нас. Когда я уходил от него, то размышляю о том, что никакая разница политических, творческих и иных взглядов не могла помешать разговору двух людей, согласных в том, что надо стремиться к дружбе народов.

С огромной силой прозвучали на Всемирной Ассамблеи Мира слова французского писателя Жан-Поль Сартра, убежденного в том, что никакие различия во взглядах не могут помешать общей борьбе за мир.

«Мы хотим мирного сосуществования всех наций, невзирая на различия в их политическом строе. И это существование может быть достигнуто лишь в том случае, если усилиями народов удастся ликвидировать блок».

Если назидать большое желание и большая воля добиться мира, — разговор состоится и будет наверняка плодотворным. Какую бы философию, какую бы социальную доктрину ни исповедовал в наши дни писатель или государственный деятель, он не может не знать:

Людам надежда, до боли, до большой сердечной горечи надежда «холодной войны». Им осточертело самое слово «война», в какие бы «одежды» ее ни ридить. Людям ненавистен и адский жар термоядерных реакций, грозящий человечеству, и мертвый холод, от которого стнет кровь.

Они не хотят войны — ни «горячей», ни «холодной». И об этом люди заявили так громко, что только глухой может их не услышать.

Мира можно достичь, крепкого, прочного мира! «Стремление к миру — самое сильное желание народов всех стран, в памяти которых еще живы неслыханные бедствия, причиненные прошлой войной», — сказал Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, прибыв в Женеву на Совещание Глав правительств четырех держав.

Вот почему на предстоящее Совещание возлагаются большие надежды. Народы всего мира горячо желают, чтобы это Совещание привело к смягчению международной напряженности, к созданию атмосферы доверия и сотрудничества в отношениях между государствами.

Народы мира жаждут мира. Они с воодушевлением и надеждой следят за переговорами четырех великих держав. Следят с верой и разумом, в добрую волю тех, кто сел за круглый стол в Женеве.

И если пера народов оправдается, они смогут жить и трудиться с большей уверенностью, с большей радостью. А история занесет это не только титанический борьбу человечества за жизнь, но и его победу.

«Объединимся, чтобы защитить мир!» — так назвал свой плакат мексиканский художник Робледо. На плакате — надпись: «За мир и дружбу между народами», «За запрещение атомного оружия».

501291